

«Как читать современную поэзию» (2012)

«... Ключ к стихам — не то, что человек — правильно или неправильно — думает о поэзии, а то, что человек думает о себе или о своей жизни. <...>

Почти двести лет наш способ чтения был романтическим. Что это такое? Например, когда мы читаем стихотворение Лермонтова “Белеет парус одинокий”, то хотя там нет ни слова про человека, а все про какой-то корабль с парусом, — мы почему-то понимаем, что это про меня, про “Я”, про душу, хотя в самом стихотворении это не сказано. Вот у Горация тоже есть знаменитое стихотворение про корабль: “О корабль, снова бури несут тебя в открытое море, берегись!” И тоже не сказано, что за корабль, но людям почему-то было понятно, что имеется в виду государство, а не чья-то мятежная душа. У читателя Горация главная тревога была об уникальном целом, к которому он принадлежал, а у романтического читателя — о его собственном уникальном Я. С помощью своей главной тревоги мы и читаем стихи. <...>

Правильный читатель стихов — это параноик. Это человек, который неотвязно думает о какой-то важной для него вещи — как тот, кто находится в тюрьме и думает о побеге. Он все рассматривает с этой точки зрения: эта вещь может быть инструментом для подкопа, через это окно можно вылезти, этого охранника можно подкупить. <...>

Современная поэзия рассчитана на людей с массой разных, заранее не условленных между автором и читателем жгучих вопросов <...>

Поэзия всегда <...> тематизирует условия собственного существования, превращает в предмет разговора то, что является условием разговора ...»

Авторское предисловие к книге стихотворений «Дума Иван-чая» (2001)

«Стихи первого раздела – лирические, то есть написаны от имени некоего идола – от имени невинного и особенного “я”. <...>

“Я” стоит за спиной пишущего и присваивает себе то, что он пишет; сам же он может думать, что пишет “просто стихи”, что пишет их от собственного имени (что на самом деле – очень трудно и потому редко) или по-прежнему от имени какой-то высшей силы (“язык” и пр.). <...>

Лучшее, что можно сделать, – от этого идола просто отойти. (Но при этом есть риск, что “я” окажется в зоне священного умолчания; так происходит при искусственном конструировании говорящего персонажа <...>). Но отойти может тот, кто не считается с правилами. А правила здесь – такие же, как с икотой: сойди на Федота, с Федота на Якова, с Якова – на всякого <...>

Соответственно, второй раздел – это переход от отдельного и внутреннего к совместному и внешнему. Но это переход от иллюзии не к правде, а к “правде”, то есть к трезвому рабству у той же иллюзии, п.ч. все содержание по-прежнему порождается только ею – у “правдивого взгляда” нет другого предмета, кроме предыдущего тумана. Здесь говорится не: “за этим туманом вот что на самом деле”, – а: “это всего лишь туман, он плотный, редкий, серый, розовый и пр., и вот почему на нем мерещатся картинки”. То есть по-прежнему изображается только видимость, но теперь как видимость, а не как реальность.

Образцом здесь служат одномерные слова и фразы вроде “здравствуйте” или “спасибо” – но именно образцом, а не предметом обыгрывания или разоблачения, поскольку обыгрывать или разоблачать здесь нечего – все и так видно. Они же – общие слова, то есть те, которые заведомо принадлежат всем и которые поэтому одинаково смешно и ставить в кавычки и считать своими собственными. Их лучше всех знают дети, у которых взрослые спрашивают: “Что сейчас надо сказать?” или “Как это называется?” И эти же слова – то небольшое правильное, которое уже есть у каждого и которое поэтому можно не придумывать и не искать»

«Твои уста, уже не разжимая...»

Твои уста, уже не разжимая
моих сухих горячими собой,
пока не замыкают, дорогая,
моих своим *счастливо, дорогой*.

Пусть разрешат моим, уже отъятым,
пока что слышным, выговорить: *знай,*
я счастлив знать: твои ещё разъяты,
пусть не моими, а твоим «прощай».

БЛИЗНЕЦЫ (1996)

Н.

Близнецы, еще внутри у фрау,
в темноте смеются и боятся:
"Мы уже не рыбка и не птичка,
времени немного. Что потом?
Вдруг Китай за стенками брюшины?
Вдруг мы девочки? А им нельзя в Китай".

«Чужого малютку баюкал...» (2004)

Чужого малютку баюкал
возьми говорю мое око
возьми поиграй говорю

Уснул наигравшись малютка
и сон стерегу я глубокий
и нечем увидеть зарю

«Марсиане в застенках Генштаба...» (2004)

Марсиане в застенках Генштаба
и содействуют следствию слабо
и коверкают русский язык

«Вы в мечту вековую не верьте
нет на Марсе ничто кроме смерти
мы неправда не мучайте мы»

«Баяна стон блестит как сабля...» (2007)

C'est une chanson qui nous ressemble.
Toi, tu m'aimais et je t'aimais

Баяна стон блестит как сабля
Дышала ты, дышали мы
Летала замирала сабля
Дыханье ты дыханье мы

Только пресеклось и ды и ханье
И ханье пресеклось и ды
В непрекословящих гортанях
У рассеченные четы

«Март позорный рой сугробу яму...» (2007)

Март позорный рой сугробу яму
Розоватых зайчиков не ешь
Кости имут ледяного сраму
Точно ты уже отсутствуешь

ТИХИЙ ЧАС (1996)

Тот храбрый Сильвестра Сталлоне или
его фотокарточки над подушкой,
кто в глаза медсёстрам серые смотрит
без просьб и страха,

а мы ищем в этих зрачках диагноз
и не верим, что под крахмальной робой
ничего почти что, что там от силы
лифчик с трусами.

Тихий час, о мальчики, вас измучил,
в тихий час грызете пододеяльник,
в тихий час мы тщательней проверяем
в окнах решетки.